

СТРАТЕГИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АВСТРАЛИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ В 2008–2018 гг.

К. И. Ярмошук

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь*

В статье рассмотрена стратегия региональной безопасности Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в 2008–2018 гг. Автор подробно рассказывает про существующие стратегии безопасности малых и средних стран: балансирование, примыкание и хеджирование, предоставляет различные классификации хеджирования, аргументирует использование Австралией легкого хеджирования и таких моделей хеджирования, как конвенциональное и политико-военное хеджирование, дает подробную их характеристику. Новизна данной работы заключается в том, что данная работа является первым комплексным русскоязычным исследованием Австралийской стратегии региональной безопасности в АТР, включающим аргументирование выбора определенной стратегии на основе междисциплинарного анализа преимущественно австралийских источников и историографии. Проблема стратегии региональной безопасности Австралии представляет научный интерес и является актуальной на современном этапе. В результате исследования автор приходит к выводу, что в период с 2008 по 2018 гг. Австралия применяла стратегию легкого хеджирования. Конкретными моделями хеджирования стали конвенциональное и политико-военное хеджирование. Результаты работы могут быть использованы для дальнейшей разработки данной темы, а также в комплексных исследованиях в сфере региональной и международной безопасности.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион; Австралия; военное балансирование; экономическое примыкание; легкое хеджирование; обязывающее участие.

Образец цитирования: *Ярмошук К. И.* Стратегия региональной безопасности Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 2008–2018 гг. // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2022. Вып. 10. С. 143–165. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2022-10-143-165>

AUSTRALIA'S REGIONAL SECURITY STRATEGY IN THE ASIA-PACIFIC REGION IN 2008–2018

K. I. Yarmoshuk

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

The relevance of this study is determined by the fact that the Asia-Pacific region is one of the most important nodes of world politics, where all sorts of interests of different countries intersect and where many sources of instability and threats to regional security remain. This study examines Australia's regional security strategy in the Asia-Pacific region in 2008–2018. The author details the existing security strategies of small and medium-sized countries: balancing, bandwagoning and hedging, provides various classifications of hedging, argues for the use of light hedging by Australia and such hedging models as conventional and political-military hedging, and also gives a detailed description of them. The novelty of this work is that this analysis is the first comprehensive Russian-language

study of the Australian Regional Security Strategy in the Asia-Pacific Region, including the reasons for a particular regional strategy choice based on an interdisciplinary analysis of predominantly Australian sources and historiography. The practical significance of the study is that its main results can be used to further develop this topic and in more comprehensive studies in the field of regional security, they can be included in the courses at the Faculty of International Relations, and can also be used to develop proposals in the field of security strategy and international policy of the Republic of Belarus.

Key words: Asia-Pacific region; Australia; military balancing; economic bandwagoning; light hedging; binding engagement.

For citation: Yarmoshuk, K. I. (2021). Australia's regional security strategy in the Asia-Pacific region in 2008–2018 In: Actual Problems of International Relations and Global Development: collection of scientific papers. Minsk, Vol. 10, p. 143–165. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2022-10-143-165>

Введение. В настоящее время безопасность является одной из основных сфер деятельности любого государства, предметом внутривластной борьбы, внимания гражданского общества и научных исследований. Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой динамично развивающийся регион с широким спектром проблем безопасности, которые могут перерасти в угрозу международного масштаба с тяжелыми последствиями для всего мира. Наличие мощных производственных ресурсов в АТР объясняет борьбу государств за преобладание в этом регионе. Столкновение разнонаправленных национальных интересов приводит к политическим разногласиям, что обуславливает особую актуальность проблемы региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Австралия как мощная средняя держава играет не последнюю роль в обеспечении региональной и субрегиональной безопасности АТР. Проблема стратегии региональной безопасности Австралии представляет научный интерес и является актуальной на современном этапе.

Методология исследования. *Объект исследования* – региональные политические отношения в сфере безопасности. *Предмет исследования* – стратегия региональной безопасности Австралии в АТР. *Целью* работы является определение и характеристика стратегии региональной безопасности Австралии в АТР в 2008–2018 гг. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Охарактеризовать такие стратегии малых и средних государств, как балансирование, примыкание и хеджирование.

2. Определить причины выбора Австралией определенной стратегии региональной безопасности в АТР в рассматриваемый период.

3. Выделить и охарактеризовать основные составляющие стратегии региональной безопасности Австралии в 2008–2018 гг.

Для решения этих задач применялись ряд общеполитических (диалектический метод, принцип всесторонности, принцип детерминизма),

общенаучных (анализ, синтез) и частнонаучных (историко-генетический, компаративный, историко-ретроспективный) методов.

Историография исследования. В русскоязычном научном пространстве тема является комплексно неизученной, поэтому данное исследование базируется на иностранных источниках и историографии, преимущественно австралийских. Австралийских авторов отличает междисциплинарный подход, взгляд «изнутри», принятие во внимание внутриполитических особенностей и политической традиции, высокая степень детализации и проработанности тем исследований по Австралии, оперирование большим количеством статистических данных.

Иностранные и русскоязычные авторы в сфере теории международных отношений примечательны тем, что сходятся во мнении и признают, что несмотря на многочисленные попытки исследователей концептуализировать понятие «хеджирование», данный термин по-прежнему не получил глубокой теоретической проработки. Более того, существует явный концептуальный разрыв между политическим и научным использованием термина «хеджирование». Политики зачастую не отделяют хеджирование от балансирования. С другой стороны, ученые склонны выделять «хеджирование» в отдельную категорию как третий стратегический выбор государства, кроме балансирования и примыкания, способствуя более детализированной проработке теории «баланса сил», привнося в теорию более подробное объяснение стратегического поведения государств. В данном исследовании автор исходит из научного подхода к хеджированию, намереваясь внести вклад в концептуализацию хеджирования и научные теоретические исследования «баланса сил».

Результаты исследования. Прежде чем рассматривать стратегию безопасности Австралии в АТР в 2008–2018 гг., сначала разберемся в том, какие бывают стратегии безопасности малых и средних держав.

1. Стратегии балансирования, примыкания и хеджирования.

1. Балансирование vs Примыкание.

В неореализме (структурном реализме) существуют 2 стратегии или модели поведения государств: балансирование и примыкание.

Балансирование – это такое поведение государства, которое препятствует тому, чтобы восходящая держава стала гегемоном в политическом и военном планах, тогда как примыкание – это поведение, когда государство вступает в союз с источником угрозы (восходящей державой). Балансирование по Кеннету Уолцу бывает внутреннее и внешнее.

Внутреннее балансирование – это усилия государства по увеличению собственного оборонного потенциала, например, путем наращивания вооружений, увеличения оборонного бюджета, совершенствования своей оборонной политики и продвижения своих оборонных технологий,

тогда как внешнее балансирование – это усилия государства по формированию союзов, коалиций в сфере безопасности. Примыкание бывает 2-х типов: 1) ради обеспечения своей безопасности и 2) ради экономической выгоды [1].

Важно подчеркнуть, что балансирование и примыкание подразумевают:

1) четкий выбор, при котором государство выступает на стороне одной конкретной силы;

2) недвусмысленные, однонаправленные меры либо по противодействию угрозе (в случае балансирования), либо максимизации прибыли (и/или минимизации убытков) в случае примыкания [2];

3) «складывание всех яиц в одну корзину» (putting all eggs in one basket) – это означает, что малое/среднее государство вкладывает все усилия и ресурсы в сотрудничество только с одной силой. В случае проигрыша этой силы, другой альтернативы для малого/среднего государства не будет.

Однако, хотя данные стратегии хорошо теоретически разработаны, существует ряд ограничений в применении понятий балансирование и примыкание. Главным из них выступает необходимость выбора одной стороны (государства или альянса) ценой сворачивания сотрудничества с другими, что значительно ограничивает внешнеполитический маневр слабых стран. С целью заполнения теоретического пробела всё большее число специалистов прибегает к использованию понятия хеджирование в качестве объяснения поведения малых и средних стран [3].

Концепция хеджирования должна пониматься в спектре «балансирование-примыкание», в которой хеджирование, являясь средней позицией, находится между балансированием и примыканием как третий стратегический выбор государства [4]. Иными словами, хеджирование – это одновременная комбинация стратегий балансирования и примыкания. Термин «хеджирование» был введен в лексикон международных отношений в 1990-х гг. [2]. В середине 2000-х гг. ученые начали применять изучение стратегии хеджирования для анализа региональной реакции на подъем Китая [1]. Хеджирование обычно применяется в тех случаях, когда малые и средние державы пытаются одновременно наладить связи с Китаем и США [5].

Отдельного внимания заслуживает взгляд на хеджирование видного представителя западной школы неореализма Ченг-Чви Куика. Он понимает хеджирование как политику, направленную на противодействие внешним вызовам посредством принятия противоположных стратегий в отношении двух или более конкурирующих держав, то есть рассматривает хеджирование как комплекс мер, параллельно уменьшающих риски

безопасности средней державы и максимизирующих экономическую прибыль средней державы [1].

Исследователь Ченг-Чви Куик перечисляет *пять составляющих хеджирования*:

1) экономический прагматизм (Economic Pragmatism) – политика, при которой государство стремится максимизировать экономические выгоды от своих прямых торговых и инвестиционных связей с великими державами, независимо от каких-либо политических проблем между ними;

2) обязывающее участие (Binding Engagement) – основано на желании государств нейтрализовать ревизионистские тенденции великих держав. Благодаря тесному дипломатическому взаимодействию с великими державами, государства стремятся повлиять на их политику. Это также предполагает привязку великой державы к различным двусторонним и многосторонним форматам сотрудничества;

3) ограниченное примыкание (Limited bandwagoning) – 1) предполагает партнерство, а не военное объединение, 2) позволяет государствам развивать связи с восходящей державой, сохраняя при этом свои отношения с существующим гегемоном, 3) позволяет государствам не терять автономии в принятии решений;

4) отрицание доминирования крупных игроков (Dominance denial) – предусматривает вовлечение других партнеров в региональные дела. Таким образом формируется коллективный дипломатический вес, с помощью которого государства могут оспорить доминирование гегемона в той или иной области;

5) не прямое балансирование (Indirect balancing) – предполагает налаживание оборонного сотрудничества и модернизацию вооруженных сил страны без указания конкретной угрозы, против которой эти действия направлены. Вместо этого государство утверждает, что такое оборонное сотрудничество и военная модернизация связаны с нестабильностью и неопределенностью региональной обстановки [5].

Также в исследовании Куика, проведенном совместно с еще 3 исследователями, – «Легкое или тяжелое хеджирование: позиционирование между Китаем и США» («Light or heavy hedging: positioning between China and the United States») – хеджирование подразделяется на легкое и тяжелое.

Различие легкого и тяжелого хеджирования заключается в том, предпринимает ли средняя держава большие усилия в сфере балансирования или в сфере примыкания. Таким образом, если средняя держава в какой-то момент больше обеспокоена вопросом безопасности и вкладывается во внешнее и внутреннее балансирование, то это тяжелое хеджирование. Если обстановка не содержит угроз большой интенсивности и государство сильно заботят экономические вопросы, и она делает активные шаги

по экономическому и дипломатическому примыканию, – это легкое хеджирование [6].

Еще одна категоризация хеджирования содержится в работе К. Кога «Новый взгляд на концепцию «хеджирования»: пример внешнеполитической стратегии Японии в условиях смены власти в Восточной Азии» («The Concept of “Hedging” Revisited: The Case of Japan’s Foreign Policy Strategy in East Asia’s Power Shift») [4]. Там хеджирование подразделяется на 6 моделей:

1) конвенциональное хеджирование (conventional hedging) – военное балансирование против страны X и одновременно экономическое примыкание к стране X;

2) мягкое хеджирование (soft hedging) – дипломатическое балансирование против страны X и одновременно экономическое примыкание к стране X;

3) экономическое хеджирование (economic hedging) – военное примыкание к стране X и одновременно экономическое балансирование против страны X;

4) хеджирование в сфере безопасности (security hedging) – военное примыкание к стране X и одновременно дипломатическое балансирование против страны X;

5) дипломатическое хеджирование (diplomatic hedging) – экономическое балансирование против страны X и одновременно дипломатическое примыкание к стране X;

6) политико-военное хеджирование (politico-military hedging) – военное балансирование против страны X и одновременно дипломатическое примыкание к стране X.

Стоит раскрыть шире данные категории:

Экономическое балансирование – это экономические меры против какого-то государства, например, это могут быть экономические санкции. Экономическое примыкание – это все действия, направленные на усиление экономического взаимодействия, даже несмотря на усиление экономической зависимости от этого государства.

Военное примыкание – это обширное военное сотрудничество с источником угрозы, а примером военного балансирования может быть создание военного альянса против источника угрозы.

В дипломатической сфере дипломатическое балансирование – это создание международных институтов, которые накладывают определенные обязательства и предусматривают соблюдение определенных норм государством-агрессором, а примером дипломатического примыкания может быть создание институтов, нацеленных на укрепление доверия между государствами-членами посредством установления каналов связи и обмена информацией [4].

Стоит отметить, что, как утверждают многие исследователи (сам Ченг-Чви Куик, А. Королев и др.), несмотря на многочисленные попытки исследователей концептуализировать понятие «хеджирование», данный термин по-прежнему не получил глубокой теоретической проработки. Например, А. Королев в своей работе «Стратегии средних стран в отношении великих держав» отмечает, что «позиционирование хеджирования в качестве отдельного теоретического концепта, описывающего альтернативу стратегиям балансирования и примыкания в рамках неореалистской парадигмы, не представляется возможным. Во-первых, в большинстве случаев хеджирование сводится к изолированному анализу отдельных аспектов политики государства (диверсификация торгово-экономических, военно-политических и дипломатических связей). Во-вторых, зачастую оно дублирует по смыслу другие категории, используемые в неореализме. Так, не прямое балансирование, по Куику, структурно совпадает с концепцией «баланса угроз» Уолта. Стоит отметить отсутствие ясности в разграничении тяжёлого и лёгкого хеджирования» [3].

Кроме того, существует явный концептуальный разрыв между политическим и научным использованием термина «хеджирование». Политики зачастую не отделяют хеджирование от балансирования, т.к. хеджирующее государство на самом деле уже заняло позицию против восходящей силы и готовится к возможному столкновению (посредством внутреннего и внешнего балансирования), однако по-прежнему намерено использовать ненасильственные методы для побуждения к сотрудничеству до тех пор, пока восходящая сила не начинает военные действия.

Теория баланса сил в широком смысле определяет этот подход просто как балансирование [4]. То есть, можно сказать, что хеджирование в политической интерпретации воспринимается просто как часть балансирования или способ/метод балансирования. К тому же хочется подчеркнуть, что русскоязычные авторы, занимающиеся изучением региональной политики Австралии, не используют термин «хеджирование», прибегая к термину «балансирование». Автор данного исследования так же в своих ранних статьях применяет термин «балансирование» для характеристики срединной позиции Австралии, балансирующей между ее главным военно-стратегическим (США) и главным торгово-экономическим партнером (КНР). С другой стороны, ученые склонны выделять «хеджирование» в отдельную категорию как третий стратегический выбор государства, кроме балансирования и примыкания, способствуя более детализированной проработке теории «баланса сил», привнося в теорию более детальное объяснение стратегического поведения государств.

В данном исследовании автор исходит из научного подхода к хеджированию, намереваясь внести вклад в научные исследования в сфере концептуализации хеджирования.

II. 2008–2018 гг. – стратегия легкого хеджирования Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Стоит напомнить, что если средняя держава в какой-то момент больше обеспокоена вопросом безопасности и вкладывается во внешнее и внутреннее балансирование, то это тяжелое хеджирование (*heavy hedging*). Если обстановка не содержит угроз высокой интенсивности и страну сильно заботят экономические вопросы, и она делает активные шаги по экономическому и дипломатическому примыканию, – это легкое хеджирование (*light hedging*).

Говоря о международном контексте в рассматриваемый период, который подтолкнул Австралию к стратегии легкого хеджирования, стоит отметить 2 фактора:

1) в 2008 г. произошел мировой финансовый кризис, негативно сказавшийся на экономиках азиатских стран, и Австралия не стала исключением. Напротив, КНР не так сильно пострадала от МФК;

2) в 2009 г. администрацией Б. Обамы был инициирован курс «возвращение в Азию», а в 2011 г. было анонсировано смещение геополитического фокуса США в АТР, известное как «поворот в сторону Азии». В качестве основных направлений усилий в рамках новой стратегии США были выдвинуты: укрепление системы военно-политических союзов со странами региона (Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Таиландом и Австралией), упрочение существующих и формирование новых партнёрских отношений с другими ключевыми государствами (прежде всего с Вьетнамом, Малайзией, Индонезией, Индией и Сингапуром), участие в многосторонних форматах взаимодействия и в особенности интенсификация контактов с АСЕАН, расширение торговли и инвестиций, а также распространение принципов демократии и прав человека [7]. Также нельзя не отметить начавшуюся конкуренцию США и КНР за лидерство в АТР.

В рассматриваемый период с 2007 по 2010 г. премьер-министром Австралии был Кевин Радд, представитель лейбористской партии. В 2009 г. вышла «Белая книга по вопросам обороны Австралии 2009 г.», которая лучше всего отражала политику К. Рада.

С 2010 по 2013 г. была Джулия Гиллард, представительница той же партии. Ее взгляды отражает «Белая книга по вопросам обороны Австралии 2013 г.». С 2013 по 2015 г. у власти был Тони Эббот, представитель либеральной партии в коалиции с Национальной партией Австралии. С 2015 по 2018 г. премьер-министром Австралии был М. Тернбул. Соответственно, взгляды его администрации отражены в «Белой книге по вопросам обороны 2016 г.» и в «Белой книге по вопросам внешней политики 2017 г.».

При обобщении взглядов перечисленных премьер – министров, отраженные в «Книгах» – все они разделяли идею Дж. Ховарда о том, что

Австралии не нужно выбирать между Китаем и США. В параграфе «США и КНР» Белой книги Австралии 2016 г. любопытно то, что в нем говорится о двойной направленности политики Австралии, которая отлично отражает применяемую её стратегию хеджирования. Отмечается, что в политике Австралии одновременно присутствуют два вектора:

1) вектор США – признается, что США – главный военный и стратегический партнер. Австралия поддерживает стратегическую перебазировку войск США в АТР, т.к. обе страны разделяют одни ценности;

2) вектор КНР – отмечается, что в 2014 во время визита китайского президента в Австралию межгосударственные отношения были подняты до уровня стратегического партнерства. А также подчеркивается то, что Австралия будет расширять отношения с КНР в сфере обороны, признавая даже тот факт, что стратегические интересы обеих стран могут отличаться в зависимости от конкретных региональных и глобальных проблем. Подчеркивается важность проведения военных учений «Ковари» Австралии, КНР и США в 2014 и 2015 гг.¹

Отражение стратегии хеджирования можно видеть в Белой книге по вопросам внешней политики Австралии 2017 г.: «США предоставляют дополнительные возможности австралийским вооруженным силам и спецслужбам, тем самым придавая Австралии дополнительный вес и региональное влияние. В то же время Австралия будет укреплять отношения с Китаем, который сейчас является крупным геополитическим игроком, способным влиять на многие интересы Австралии. Китай быстро становится значительным глобальным инвестором и растущим центром науки, исследований и инноваций. Китай – самый крупный торговый партнер Австралии, на который приходится 32% экспорта австралийских товаров в 2016 г., и Китай останется на первой строчке в обозримом будущем.

Австралия стремится продвигать всестороннее стратегическое партнерство с Китаем. Эти отношения подкрепляются двусторонним соглашением о свободной торговле 2014 г., растущими инвестициями, тесным сотрудничеством в борьбе с транснациональной преступностью, исследовательскими связями и возрастающим потоком студентов, туристов и мигрантов. Австралия будет по-прежнему уделять первоочередное внимание активному взаимодействию с Китаем, в том числе посредством ежегодных встреч между лидерами, министрами иностранных дел и министрами экономики. Также Австралия заявляет о стремлении продолжать сотруд-

¹ Defence White Paper 2016 // Australian Defence Department [Electronic resource]. 2016. URL: <http://www.defence.gov.au/WhitePaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf> (accessed: 26.06.2022).

ничество по различным вопросам, начиная от энергетики и заканчивая правоохранительной деятельностью и безопасностью через растущую сеть министерских и других диалогов высокого уровня².

Теперь стоит более детально рассмотреть применявшуюся Австралией стратегию легкого хеджирования в рассматриваемый период (2008–2018 гг.). По категоризации К. Кога, говоря о *модели* хеджирования, Австралия применяла *ковенциональное хеджирование* и *политико-военное хеджирование*. Стоит напомнить, что конвенциональное хеджирование состоит из военного балансирования против страны X и одновременно экономического примыкания к стране X. В это время Австралия применяла сочетание экономического примыкания к Китайской Народной Республике и как внутреннее, так и внешнее балансирование против КНР.

1. Экономическое примыкание Австралии к КНР.

Зачастую поведение хеджирующих стран заключается в том, чтобы примыкать экономически к восходящей державе, однако не впадать в экономическую зависимость от нее. Для этого развиваются экономические отношения с другими странами, диверсифицируется экспорт. Китай является одним из немногих государств, которые серьезно не пострадали от последствий мирового финансового кризиса. Напротив, Австралия пострадала от МФК: дефицит федерального бюджета, рост уровня безработицы внутри страны, проблемы с социальным обеспечением. Это способствовало укреплению идеи, что расширение торговли с Китаем – это лучший способ обеспечить экономическое благополучие Австралии.

Опросы общественного мнения показывали, что население Австралии, подобно общественному мнению США, осуждает нарушение прав человека в КНР, но, с другой стороны, выступает за углубление торгово-экономического сотрудничества. Так, согласно статистике исследовательского центра «Pew Global» 2013 г., наиболее экономически развитой страной по мнению 61% австралийцев являлась именно КНР, несмотря на то, что США намного опережала КНР по объему ВВП на душу населения [8]. В параграфе «США и КНР» Белой книги 2013 г. говорится о том, что Австралия приветствует стремительный экономический рост КНР и не считает ее соперницей в регионе, т.к. «экономический бум» Китая позитивно отразился на экономике самой Австралии³.

² 2017 Foreign Policy White Paper // Australian Government [Electronic resource]. 2017. URL: <https://www.fpwhitepaper.gov.au/foreign-policy-white-paper.pdf> (accessed: 26.06.2022).

³ Defence White Paper 2013 // Australian Defence Department [Electronic resource]. 2013. URL: http://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (accessed: 26.06.2021).

Китай является настолько важным экономическим партнером для Австралии, что для привлечения богатых бизнесменов из Азии, а особенно из КНР, правительство Австралии в 2012 г. ввело «визу “золотого билета” для 7 тыс. богатых предпринимателей из Азии». Такую визу можно было получить, если в австралийскую экономику инвестировалось не менее 5 млн. австрал. долларов. В таком случае снимаются требования к знанию английского языка, возрасту и другим пунктам, которые являются обязательными для других категорий иммигрантов [9].

В 2014 г. Тони Эббот и Си Цзиньпин подписали договор о создании Зоны свободной торговли между двумя государствами. Народный банк КНР и Резервный банк Австралии подписали меморандум о расчетах в юанях. Соглашение о ЗСТ Австралии и КНР стало значимым шагом в укреплении экономических отношений обеих стран. Так, соглашение предусматривало практически полную отмену пошлин на 93% австралийского экспорта в течение 4-х лет. Финансовые, медицинские компании и фирмы, занимающиеся высокими технологиями, также получили доступ на китайский рынок [8]. Этот договор принес Австралии огромные отраслевые преимущества, поскольку многие тарифы и торговые барьеры были сняты. Например, был снят 30-процентный тариф на импорт говядины в Китай. Это способствовало развитию сельскохозяйственного сектора в Австралии, соответственно значительно увеличилось количество новых рабочих мест. Также Австралия одной из первых стала членом Азиатского Банка Инфраструктурных Инвестиций (АБИИ), создание которого было предложено КНР. Примечательно то, что США лоббировали, чтобы Южная Корея и Австралия не присоединялись к АБИИ. Тем не менее, австралийские бизнес-лидеры лоббировали, чтобы Австралия наоборот присоединилась к АБИИ в качестве члена-основателя, чтобы раньше начать пользоваться экономическими преимуществами, которые банк мог предложить [1].

Китай является огромным рынком для экспорта Австралийской продукции, что было максимально выгодно Австралии – сельскохозяйственной стране с экспортно-ориентированной экономикой. Это способствовало положительному сальдо торгового баланса Австралии после 2008 – 2009 финансового года. Одним из наиболее важных экспортных товаров Австралии в Китай является железная руда. Когда поставки руды из Австралии в КНР значительно снизились в 2015 г., Австралия не потеряла в торговле, т.к. заменила руду на экспорт с/х продукции в КНР.

К. Уолц утверждал, что усиление торговой взаимозависимости приведет к *асимметричной торговой зависимости от более сильной стороны* и к ослаблению другой стороны соответственно. Как отметил К. Радд в своем выступлении перед Национальным пресс-клубом (National Press

Club) 11 июля 2013 г., одной из проблем, с которыми сталкивалась Австралия, является чрезмерная зависимость от экспорта железной руды в Китай. Одним из наиболее известных примеров, когда Австралия предприняла действия, чтобы предотвратить доминирование Китая в ее горнодобывающем секторе, связано с отклонением предложения Chinalco о слиянии с крупнейшей горнодобывающей компанией Австралии Rio Tinto. В рамках сделки Chinalco приобрела бы 50,1% акций Rio Tinto, став, таким образом, крупнейшим акционером компании [1].

Чтобы не стать слишком зависимой экономически от двусторонней торговли с Китаем, Австралия стала усиливать экономические связи с другими странами. В 2014 г. были заключены договоры о свободной торговле с Японией и Ю. Кореей. Удалось включить сахар в тарифную сетку соглашения о свободной торговле с Южной Кореей, что австралийцы восприняли как большую победу для них. Что еще более удивительно, в заявлении о Соглашении об экономическом партнерстве между Японией и Австралией не только говядина была включена в тарифную сетку, но и договор вступал в силу незамедлительно с момента подписания, что так же было примечательным, ведь Япония печально известна чрезмерным протекционизмом своего сектора сельского хозяйства [1].

Однако стоит отметить, что диверсификация экономических связей была несильно эффективной в тот период, т.к. в 2013 г. КНР стал первым торговым партнером Австралии и во всех «Белых книгах» Австралии отмечалось, что КНР сохранит позицию первого торгово-экономического партнера и в будущем. Более того, стремительный экономический рост КНР поощрялся, т.к. он напрямую влиял на экономические выгоды Австралии.

2. Внутреннее балансирование Австралии против КНР.

На протяжении более 60 лет безопасность Австралии поддерживается через привилегированный доступ к технологиям и информации США, поставкам высококачественной военной техники следующего поколения из США в рамках программы Joint Strike Fighter («Совместное противодействие удару»), что является залогом заимствования опыта США для построения более технически оснащенных, современных и совершенных систем обороны². Американские военно-морские войска развернуты на австралийской военно-морской базе «Стирлинг» для проведения тренировок на ротационной основе, а также в порте Дарвин и на аэробазе «Тиндалл». После мирового финансового кризиса 2008 г. правительство Австралии начало беспокоиться о стратегических последствиях стремительного подъема Китая, в том числе о возможности того, что Китай сможет нанести ущерб безопасности Австралии, учитывая то, что у китайской НОАК есть возможность перебросить войска на северные подступы к Австралии [1]. Чтобы максимизировать свою безопасность,

Австралия использовала отчисления на вооруженные силы и совершенствовала свои вооружения в тесной кооперации с США.

Важно отметить, что в «Белой книге» 2016 г. отмечается, что Австралия будет увеличивать военный бюджет и наращивать свое вооружение, как качественно (например, новые истребители Hobart Class Air и военные судна Ocean Protector), так и количественно. Этот вопрос выделен в отдельный параграф «Военная модернизация». Там отмечается особая роль США в этом процессе, т.к. США предоставляют Австралии доступ к своим военным технологиям.

Куик отмечает, что морские державы больше инвестируют в военно-морской флот, а хеджеры, обладающие преимуществом на море, обычно планируют воздушно-морские сражения [1]. Австралия, будучи морской державой, подтверждает данный тезис: в Белой книге по вопросам обороны Австралии 2013 г., в параграфе «Развитие возможностей взаимодействия в рамках альянса» говорилось, что Австралия продолжит инвестировать в развитие таких военных технологий США, как вертолеты ВМС «MH-60R Seahawk» и «EA-18G Growler», а также наращивать сотрудничество с тихоокеанским командованием США на военно-морских базах северного побережья Австралии. В Белой книге по вопросам обороны 2016 г. также особенный акцент сделан на авиации и морском флоте, включая подводные лодки, и подчеркивается то, что военные соединения Австралии будут тесно взаимодействовать с войсками США. Как отмечено в «Книге» далее, к 2018 г. Австралийские радиоэлектронные самолеты «E/A-18G Growler» усовершенствуются до того уровня, чтобы быть в состоянии взаимодействовать с самолетами «Growler» США. Планируется усовершенствовать их до такой степени, чтобы использовать «стелс-технологии», которые по характеристикам будут превосходить субмарины класса «Collins» и торпеды «Mark 48 MOD 7», совместно разработанные США и Австралией. Такие субмарины планируется ввести в действие в 2030-х гг. Отмечается, что в 2014 г. на встрече министров обороны Австралии и США было подписано соглашение о положении войск (Force Posture Agreement), по которому Австралия и США будут продолжать работать, чтобы создать полноценную рабочую группу морских, воздушных и наземных войск США (United States Marine Air-Ground Task Force) в размере 2500 человек к 2020 г.

В «Белой книге» 2013 и 2016 гг. также особое внимание уделено роли США в обеспечении кибербезопасности Австралии и отражено усиление технического сотрудничества через механизм Соглашения по военному сотрудничеству Австралии и США в сфере торговли (Australia – US Defense Trade Cooperation Treaty). Основным отличием от «Белой книги» 2009 г. является тот факт, что целый отдельный параграф был выделен под вопросы кибербезопасности, тем самым показывая значимость

кибербезопасности для Австралии и как следствие расширившееся сотрудничество с США в этой сфере. В связи с этим также отмечается открытие в 2013 г. Нового Центра кибербезопасности Австралии (Australian Cyber Security Centre), созданного для того, чтобы повысить способность Австралии при помощи США отражать кибератаки. Что касается сотрудничества в сфере космоса и коммуникаций, отмечено, что эта сфера сотрудничества была значительно расширена подписанием в 2012 г. специального меморандума, по которому в Австралию для совместного использования был направлен радар «C-Band» и высокотехнологичный космический телескоп для того, чтобы отслеживать передвижения космического мусора и других космических объектов, которые могут нанести вред космическим системам безопасности.

Хотя стремительный рост КНР вызывал опасения, в рассматриваемый период Китай воспринимался как угроза безопасности низкой интенсивности. В Белой книге по вопросам обороны 2009 г. Австралия отмечает, что рост расходов на оборону КНР является логичным последствием ее стремительного экономического роста и заинтересованности не только в региональных, но и глобальных вызовах⁴. Правительство Австралии приветствует растущее участие Китая в деятельности ООН по поддержанию мира, оказанию гуманитарной помощи, оказанию помощи в случае стихийных бедствий и в борьбе с пиратством. Китай играет центральную роль в содействии миру и стабильности в Северной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе.

Ежегодные опросы общественного мнения, проводимые институтом Лоуи (Lowy institute) в 2015 г., показали, что, несмотря на сильную поддержку альянса ANZUS, австралийцы в целом рассматривали Китай не как угрозу, а как экономического партнера. Другой опрос, проведенный Австралийским национальным университетом (Australian National University), показал, что около 35% респондентов считают, что США и Китай одинаково важны, а 62% из них не воспринимают Китай как военную угрозу [1].

Таким образом, Австралия внутренне балансирует, перераспределяя ресурсы на оборонное планирование и приобретение новых военных возможностей. В частности, готовясь к ведению воздушно-морских сражений, что наилучшим образом соответствует ее географии, Австралия способна максимизировать свое оборонное преимущество перед любой агрессией и прямыми военными столкновениями, угрожающими ее выживанию. Несмотря на все более ограниченный бюджет, Австралия продолжает активно вооружать свои войска, опасаясь возможности войн с крупными

⁴ Defence White Paper 2009 // Australian Defence Department [Electronic resource]. 2009. URL: http://www.defence.gov.au/whitepaper/2009/docs/defence_white_paper_2009.pdf (accessed: 25.06.2021).

державами и потенциальных угроз безопасности со стороны Китая. Ключевую роль во внутреннем балансировании Австралии играют США.

3. Внешнее балансирование Австралии против КНР.

В основе внешнего оборонной стратегии Австралии лежит защита порядка, основанного на правилах (rules-based order). Укрепляя свой существующий союз в области безопасности с США и развивая партнерские отношения в области безопасности с «заслуживающими доверия» региональными державами, особенно с либерально-демократическими державами, Австралия стремится внешне уравновесить военный рост Китая [1]. Однако, не принимая на себя никаких обязательств в отношении какого-либо партнерства в области безопасности, направленного открыто против КНР, Канберра не позволяла себе быть связанной соглашением о сдерживании Китая, что потенциально могло бы снизить безопасность Австралии. Основу внешнего балансирования Австралии составляет АНЗЮС – там есть статья аналогичная статье 5 НАТО, говорящая о том, что нападение на одну страну альянса будет означать нападение на всех. Другими словами, отказ от договора АНЗЮС – немыслимый сценарий для безопасности Австралии.

В Белой книге как 2009, так и 2013 и 2016 гг. в главе 6 «Оборонная политика Австралии» есть параграф «Альянс Австралии и США и наша оборона», где отмечается, что такой альянс является незаменимым для безопасности Австралии, а также столпом в веренице других договоров в области безопасности. Он также означает, что в случае внешней опасности, превосходящей мощь отпора, который Австралия могла бы дать самостоятельно, единственная страна, на чью помощь может надеется Австралия, – это помощь США. В свою очередь, это накладывает такие же обязательства по предоставлению военной помощи на Австралию⁴.

Австралийская безопасность строится на альянсе с США, в первую очередь из-за малого для своей огромной территории населения (24,8 млн. человека – 50-е место в мире), недостаточности технологической базы и доступности ресурсов для реализации автономной политики защиты своих интересов и своих границ [10]. У Австралии как самостоятельной единицы нет достаточной экономической или военной силы, которая автоматически смогла бы переводиться в политическое и дипломатическое влияние, чтобы влиять на ход событий в АТР или изменить статус-кво [10]. В «Белой книге по вопросам обороны» Австралии 2009 г. отмечается, что стратегическое видение продолжит складываться с точки зрения дальнейшего глобального распространения экономической, политической и военной силы США. Также там отражалось мнение Австралии, что вряд ли появится какая-то альтернативная США политическая и экономическая сила, которая смогла бы поддерживать развитие и укрепление сети демократий рыночного типа экономики, которые появились после Второй

мировой войны. Таким образом, отмечалось, что США играют роль стабилизатора в АТР⁴.

В параграфе «США и КНР» Белой книги Австралии по вопросам обороны 2016 г. отмечается, что США для Австралии являются самым важным стратегическим партнером, особенно ввиду того, что она не сможет добиться желаемого уровня безопасности и стабильности в регионе без помощи США. Далее говоря о внешнем балансировании Австралии, стоит подчеркнуть, что в рассматриваемый период Австралия выстраивала отношения в сфере безопасности не только со своим главным военно-стратегическим партнером, но и с другими средними державами региона.

В 2007 г. Австралия подписала Совместную японо-австралийскую декларацию о сотрудничестве в области безопасности (Japan-Australia Joint Declaration on Security Cooperation) с Японией. Обе стороны подтвердили, что стратегическое партнерство между двумя странами основано на демократических ценностях, приверженности правам человека, свободе и верховенству закона, а также общих интересах безопасности, взаимном уважении, доверии и глубокой дружбе. Обе стороны договорились о дальнейшем сотрудничестве в области обороны, включая развертывание Японией передовых самолетов, таких как P-3C и U-4, чтобы присоединиться к совместным военным учениям и более целенаправленно продолжить морское сотрудничество. Примечательно, что правительство К. Радда официально отвергло возможность сдерживания Китая путем подписания декларации [1].

В 2009 г. правительство Австралии подписало Совместную декларацию о сотрудничестве в области безопасности с Индией (the Joint Declaration on Security Cooperation), в которой Австралия подтвердила: «что стратегическое партнерство основано на общем стремлении продвигать региональную и глобальную безопасность, а также на их общей приверженности демократии, свободы, правам человека и верховенству закона». Стоит подчеркнуть, что цель сдерживания КНР не указывалась [1]. 18 ноября 2014 г., на следующий день после заключения китайско-австралийского соглашения о свободной торговле, Австралия согласовала Рамки сотрудничества в области безопасности с Индией (Framework for Security Cooperation). В результате состоялись первые двусторонние совместные военно-морские учения Австралии и Индии. «Рамки» отражали углубление и расширение сотрудничества в области безопасности и обороны между двумя странами и включали в себя осуществление регулярной программы стратегического диалога, двусторонние тренировочные программы, крупномасштабные двусторонние морские учения (первые проведены в 2015 г.).

Важно отметить, что до создания QUAD (четырёхстороннего сотрудничества в сфере безопасности) данный формат существовал в рамках треугольника безопасности (Trilateral security dialog). Инициатором

создания «треугольника» изначально была Австралия, ведь министр иностранных дел Австралии А. Даунер предложил госсекретарю США К. Пауэллу придать институциональную форму австрало-американо-японскому диалогу. В рамках «треугольника» с 2007 г. Австралия и США начали масштабные ежегодные военные маневры «Talisman Sabre» для тренировки выполнения задач в миротворческих операциях в АТР. Япония направила туда своих военных наблюдателей [11]. Однако правительство Радда в одностороннем порядке вышло из Треугольника безопасности в 2008 г., поскольку не хотело раздражать Китай, вызывая подозрения в отношении того, что Австралия намеревается сдерживать КНР.

Опасения Радда по поводу восприятия Китая в отношении треугольника безопасности отчасти объяснялись противоречивым предложением бывшего премьер-министра Японии Синдзо Абэ о создании «Оси демократии» в рамках механизма треугольника.

Данным примером хеджирования завершается детальная характеристика *конвенционального хеджирования* Австралии. Однако необходимо выделить то, что Австралия применяла не только эту модель. Вот несколько примеров политико-военного хеджирования Австралии.

Стоит напомнить, что *политико-военное хеджирование* – это военное балансирование против КНР и одновременно дипломатическое примыкание к КНР. Как объяснено выше, военное балансирование заключается в оборонно-стратегическом союзе Австралии и США и партнерстве с союзниками, а пример дипломатического примыкания Австралии к КНР содержится в Белой книге по вопросам безопасности Австралии 2013 г. Там отмечается, что Китай является важным партнером Австралии в регионе, и их отношения в области обороны являются ключевым компонентом их более широких двусторонних отношений. Во время визита премьер-министра Дж. Гиллард в Китай в апреле 2013 г. было решено определить двусторонние отношения Австралии и КНР как «стратегическое партнерство» в знак признания их широты и сложности. В рамках этого партнерства обе стороны договорились проводить ежегодные диалоги на высшем уровне, а также двусторонние встречи на уровне министров и стратегический экономический диалог в дополнение к давнему стратегическому диалогу в области обороны, ежегодно проводимому между Министерством обороны и НОАК, чтобы способствовать более тесному сотрудничеству по целому ряду вопросов.

Отмечалось, что Австралия привержена развитию прочных и позитивных оборонных отношений с Китаем посредством обмена стратегическими вопросами региональной безопасности. Австралия – одна из немногих стран, которые ежегодно проводят стратегический диалог в области обороны с Китаем. За последние несколько лет благодаря диалогу на

высшем уровне Австралия расширила оборонное взаимодействие с Китаем, включив в него обмены, практическое сотрудничество в области гуманитарной помощи и учения по оказанию помощи при стихийных бедствиях, морские операции и операции по поддержанию мира. В октябрь–ноябре 2012 г. на территории Австралии проводились совместные китайско-новозеландские учения «Дух сотрудничества 2012» по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий. Совместная приверженность дальнейшему развитию отношений в сфере обороны сформулирована в австралийско-китайском Плане действий по оборонному взаимодействию (Australia-China Defence Engagement Action Plan). План содержит инициативы по расширению совместного участия в миротворческом сотрудничестве, гуманитарной помощи и участие в ликвидации последствий стихийных бедствий, а также взаимодействие на рабочем уровне, академические обмены и диалог на высшем уровне. Еще одним интересным примером политико-военного хеджирования можно назвать тот факт, что в 2015 г. Китай арендовал в Австралии порт Дарвин на 99 лет. Примечательно, что как раз в Дарвине располагается батальон Корпуса морской пехоты США [8].

Отдельный интерес представляет тот факт, что хеджеры в основном удовлетворены региональным порядком и стремятся сохранить статус-кво [1]. Достоин внимания и то, каким образом хеджеры (в частности Австралия) пытаются сдерживать великие державы и не допустить изменения регионального статуса-кво, т.к. лидеры региона зачастую ставят существующий статус-кво под угрозу, преследуя свои стратегические интересы [1]. Примером может служить Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), инициированный Китаем для заполнения пробела в финансировании инфраструктурных проектов в АТР. Страны-хеджеры присоединялись к АБИИ, чтобы предотвратить доминирование Китая в процессе принятия решений внутри банка. Иногда хеджеры даже выдвигают предложения о создании новых многосторонних институтов, приглашая и США, и Китай принять участие, пытаясь связать их обязательствами внутри организации и тем самым сделать их поведение более предсказуемым. По Куику, такое поведение хеджеров называется «обязывающее участие» (Binding engagement).

Такие многосторонние институты варьируют от экономических, например АТЭС, до институтов в сфере безопасности, таких как Региональный форум АСЕАН, и более всеобъемлющих, ориентированных на интеграцию, таких как Восточноазиатский саммит. Хеджеры получают влияние в процессах разработки политики в этих институтах, пытаясь повлиять на США и Китай, чтобы они приняли установленные ими нормы и ценности [1].

К примеру, в 2008 г. Кевин Радд выдвинул идею создать к 2020 г. *Азиатско-Тихоокеанское Сообщество*, в которое должны были войти кроме ВАС еще и США. Это еще раз показывает, что *Австралия ориентируется на США в своей внешней политике*. Координационным центром Сообщества должна была стать Австралия, поэтому она предложила австралийский доллар как основу для интеграции стран Сообщества [12]. Однако в 2011 г. Австралия испытала самый большой экономический спад за последние 20 лет: ВВП снизился до минус 1,2% вследствие сокращения экспорта сырья на 8,7% из-за снижения спроса со стороны Китая. На 17% упала цена угля, который экспортировался в Южную Корею и Японию. Как результат, курс австралийского доллара потерял 15%, поэтому Австралия тоже отказалась от идеи объединения ВАС на основе своей валюты [12]. Хотя эта идея не удалась, это была попытка Австралии стать рычагом давления на КНР и США в рамках организации. Белые книги по вопросам обороны Австралии 2013 и 2016 гг. объясняют такое стремление, ведь там отмечается, что Австралия видит будущее США – КНР отношений как конструктивные отношения, которые будут включать как конкуренцию, так и сотрудничество, основанное, прежде всего, на экономическом сотрудничестве и взаимозависимости экономик по версии 2013 г. и на сотрудничестве в области региональной безопасности по версии 2016 г.

В этой связи стоит отметить участие Австралии в ТТП и ВРЭП. Начало американскому проекту *Транстихоокеанское партнерство* (ТТП) было положено еще в 2006 г., когда было подписано соглашение о создании ЗСТ между Брунеем, Новой Зеландией, Сингапуром и Чили. Идея стала популярной после присоединения к переговорам Австралии, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Перу, США и Японии. В рамках ТТП США стремились к заключению соглашений, которые охватывают сферы деятельности, выходящие за рамки компетенции ВТО [13]. Часть стран Азии однозначно хотят сохранить присутствие США в регионе, и для них вступление в экономический пакт с США становится страховкой от политических рисков, создаваемых ростом мощи Китая [13]. Китайский проект *Всеобъемлющего регионального экономического партнерства* (ВРЭП), переговоры по созданию которого вели страны АСЕАН+6. Этот проект ограничивается вопросами, входящими в предмет регулирования ВТО. Несмотря на наличие политических трений с КНР, торгово-экономическое сотрудничество с Китаем остается ключевым средством экономического роста и развития. *Австралия снова выступала с позиций хеджирования, потому что она приняла участие в переговорах по ТТП и по ВРЭП, т.к. наличие общих членов в ТТП и ВРЭП потенциально могло бы помочь сгладить противоречия между торгово-экономическими объединениями и между КНР и США соответственно* [13].

Выводы. Принимая во внимание, что в Белых книгах Австралии КНР не указывалась как угроза безопасности Австралии, а все военные союзы Австралии со странами-партнерами прямо не заявляли своей целью противостояние КНР, а также то, что больше, чем возможная опасность милитаризации КНР, отмечался стремительный экономический рост КНР, который способствовал благополучию Австралии, в период с 2008 по 2018 г. Австралия применяла стратегию *легкого хеджирования*. Факторы, подтолкнувшие Австралию к хеджированию, – мировой финансовый кризис 2008 г. и инициированный в 2009 г. Б. Обамой курс «возвращение в Азию».

В 2008–2018 гг. по категоризации К. Кога Австралия применяла модели *конвенционального* и *политико-военного* хеджирования. Говоря о конвенциональном хеджировании, Австралия использовала сочетание экономического примыкания к КНР и как внутреннее, так и внешнее балансирование против КНР.

В рассматриваемый период торгово-экономические отношения между Австралией и КНР после МФК 2008 г. стремительно развивались. В итоге в 2013 г. КНР стал первым торговым партнером Австралии, а в 2014 г. было подписано соглашение о создании ЗСТ между Австралией и КНР. Заявлялось, что Австралия приветствует стремительный экономический рост КНР и не считает ее соперницей в регионе, т.к. «экономический бум» Китая позитивно отразился на экономике самой Австралии.

Чтобы не стать слишком зависимой экономически от двусторонней торговли с Китаем, Австралия усилила экономические связи с другими странами (Договоры о ЗСТ с Японией и Ю. Кореей). Однако диверсификация экономических связей была не очень эффективной в тот период, т.к. Австралия стала зависима от экспорта в КНР, а во всех «Белых книгах» Австралии отмечалось, что КНР сохранит первого торгово-экономического партнера и в будущем.

Хотя стремительный рост КНР вызывал опасения, Китай воспринимался как угроза безопасности низкой интенсивности. Австралия внутренне балансировала, перераспределяя ресурсы на оборонное планирование и приобретение новых военных возможностей. В частности, готовясь к ведению воздушно-морских сражений, что наилучшим образом соответствует ее географии. Ключевую роль во внутреннем балансировании Австралии играли США – ее главный военно-стратегический партнер (тесное взаимодействие с войсками США, инвестиции в развитие военных технологий США, совершенствование австралийской военной техники, чтобы она могла взаимодействовать с техникой США, совместно разработанные торпеды, совместное развитие кибертехнологий).

В основе внешней оборонной стратегии Австралии лежит защита порядка, основанного на правилах (rules-based order). Укрепляя союз в области безопасности с США и развивая партнерские отношения в области

безопасности с «заслуживающими доверия» региональными державами, особенно с либерально-демократическими державами, Австралия стремилась внешне уравновесить военный рост Китая. Однако, не принимая на себя никаких обязательств в отношении какого-либо партнерства в области безопасности, направленного открыто против КНР, Канберра не позволяла себе быть связанной соглашением о сдерживании Китая, что потенциально могло бы снизить безопасность Австралии. Здесь стоит выделить АНЗЮС, партнерства Австралии с Японией, Индией, треугольник безопасности США – Австралия – Япония и QUAD.

Политико-военное хеджирование – это военное балансирование против КНР и одновременно дипломатическое примыкание к КНР. Дипломатическое примыкание выразилось в стремлении Австралии наладить отношения с КНР в области региональной безопасности. В 2013 г. отношения КНР и Австралии приобрели статус стратегического партнерства, в результате чего проводились регулярные стратегические диалоги на высшем и высоком уровнях, обмены, практическое сотрудничество в области гуманитарной помощи и учения по оказанию помощи при стихийных бедствиях, морские операции и операции по поддержанию мира.

Практически все хеджеры, в том числе и Австралия, в основном удовлетворены региональным порядком и хотят сохранить статус-кво, которые великие державы зачастую стремятся нарушить, преследуя свои стратегические интересы. В таком случае хеджеры прибегают к «обязывающему участию» – даже выдвигают предложения о создании новых многосторонних институтов, приглашая и США, и Китай принять участие, пытаясь связать их обязательствами внутри организации и тем самым сделать их поведение более предсказуемым. Примерами «обязывающего участия» в контексте Австралии являются: 1) идея К. Радда создать Азиатско-Тихоокеанское сообщество, в котором участвовали бы и США, и КНР, и 2) одновременное участие Австралии в 2-х конкурирующих мегапроектах – ТТП и ВРЭП.

Таким образом, принимая во внимание, что в Белых книгах Австралии КНР не указывалась как угроза безопасности Австралии, все военные союзы Австралии со странами-партнерами не заявляли своей целью противостояние КНР, а стремительный экономический рост Китая способствовал благополучию Австралии, – в период с 2008 по 2018 г. Австралия применяла стратегию легкого хеджирования. Конкретными моделями хеджирования явились конвенциональное и политико-военное хеджирование.

Библиографические ссылки

1. *Yeung M. K.* Balancing versus bandwagoning: The strategic dilemma of Australia's China policy // Lingnan University [Electronic resource]. Hong Kong, 2016. URL: https://commons.ln.edu.hk/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1017&context=pol_etd.PDF (accessed: 04.06.2022).

2. Kuik Ch. Getting hedging right: a small-state perspective // *China International Strategy Review* [Electronic resource]. Beijing, 2021. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42533-021-00089-5>.PDF (accessed: 15.06.2022).

3. Королев А. Стратегии средних стран в отношении великих держав // *Международные процессы*. 2018. № 1 (52). С. 90–104.

4. Koga K. The Concept of “Hedging” Revisited: The Case of Japan’s Foreign Policy Strategy in East Asia’s Power Shift // *International Studies Review* [Electronic resource]. Oxford, 2017. URL: <https://academic.oup.com/isr/article/20/4/633/4781685>.PDF (accessed: 08.06.2022).

5. De Silva Sh. Making Sense of the Haze: Hedging and its Attributes // *University of Colombo Review (Series III) Electronic resource*. Colombo, 2020. URL: <https://ucr.cmb.ac.lk/wp-content/uploads/UCR-Hedging.pdf>. PDF (accessed: 16.06.2022).

6. Kuik Ch., Twining D., Cook M., Park J. Light or heavy hedging: positioning between China and the United States // *Joint U.S. – Korea Academic Studies* [Electronic resource]. Washington, 2015. URL: http://www.keia.org/sites/default/files/publications/introduction_-_light_or_heavy_hedging.pdf. PDF (accessed: 22.06.2022).

7. Лексютина Е. В. «Возвращение в Азию» – внешнеполитический курс Б. Обамы: итоги пяти лет реализации // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2014. № 10. С. 17–34.

8. Белей С. И. Фактор Китая в политике Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Журнал международного права и международных отношений*. 2014. № 1. С. 33–37.

9. *Скоробогатых Н. С.* Австралия и Азия в наступившем «столетии Азии»: проблемы и пути их решения // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2013. № 20. С. 257–279.

10. Lowther A. The Asia-Pacific Century: Challenges and Opportunities // *Air Force Research Institute* [Electronic resource]. Alabama, 2013. URL: https://media.defense.gov/2017/Apr/07/2001728463/-1/-1/0/B_0132_LOWATHER_ASIA_PACIFIC1.PDF (accessed: 04.05.2021).

11. Яценко Г. В. Геополитический треугольник «США–Австралия–КНР» в контексте безопасности АТР // *Международный студенческий научный вестник*. 2015. № 6. С. 103–114.

12. Дроздова Л. В., Пале С. Е. Страны АСЕАН: курс на объединение экономических интересов. Интеграционная политика восточноазиатских государств после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 3. С. 33–37.

13. Веремеев Н. В. Торгово-экономическая конкуренция на Тихом океане // *Международные процессы*. 2016. № 2. С. 95–111.

References

1. Yeung, M. K. (2016). Balancing versus bandwagoning: The strategic dilemma of Australia’s China policy // *Lingnan University* [Electronic resource]. URL: https://commons.in.edu.hk/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1017&context=pol_etd.PDF (accessed: 04.06.2022).

2. Kuik, Ch. (2021). Getting hedging right: a small-state perspective // *China International Strategy Review* [Electronic resource]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42533-021-00089-5>.PDF (accessed: 15.06.2022).

3. Korolev, A. (2018). Strategii srednih stran v otnoshenii velikih derzhav [Strategies of middle countries towards great powers]. In: *International processes*. No. 1, p. 90–104. (In Russ.).

4. Koga, K. (2017). The Concept of “Hedging” Revisited: The Case of Japan’s Foreign Policy Strategy in East Asia’s Power Shift // *International Studies Review* [Electronic resource]. URL: <https://academic.oup.com/isr/article/20/4/633/4781685>. PDF (accessed: 08.06.2022).

5. De Silva, Sh. (2020). Making Sense of the Haze: Hedging and its Attributes // *University of Colombo Review (Series III)* [Electronic resource]. URL: <https://ucr.cmb.ac.lk/wp-content/uploads/UCR-Hedging.pdf>. PDF (accessed: 16.06.2022).

6. Kuik, Ch., Twining, D., Cook, M., Park, J. (2015). Light or heavy hedging: positioning between China and the United States // *Joint U.S. – Korea Academic Electronic resource*. URL: http://www.keia.org/sites/default/files/publications/introduction_-_light_or_heavy_hedging.pdf. PDF (accessed: 22.06.2022).

7. Leksyutina, E. (2014). “Vozvrashchenie v Aziyu” – vneshnepoliticheskij kurs B. Obamy: itogi pyati let realizacii [“Return to Asia” – the foreign policy course of B. Obama: the results of five years of implementation]. In: *USA and Canada: economics, politics, culture*. No. 10, p. 17–34. (In Russ.).

8. Beley, S. (2014). Faktor Kitaya v politike Avstralii v Aziatsko-Tihookeanskom regione [The China Factor in Australia’s Asia-Pacific Policy]. In: *Journal of International Law and International Relations*. No. 1, p. 33–37. (In Russ.).

9. Skorobogatyh, N. (2013). Avstraliya i Aziya v nastupivshem “stoletii Azii”: problemy i puti ih resheniya [Australia and Asia in the coming “century of Asia”: problems and ways to solve them]. In: *Southeast Asia: Current Development Issues*. No. 20, p. 257–279. (In Russ.).

10. Lowther, A. (2013). The Asia-Pacific Century: Challenges and Opportunities // Air Force Research Institute [Electronic resource]. URL: https://media.defense.gov/2017/Apr/07/2001728463/-1/-1/0/B_0132_LOWTHER_ASIA_PACIFIC1.PDF (accessed: 04.05.2021).

11. Yacenko, G. (2015). Geopoliticheskij treugol'nik «SSHA–Avstraliya–KNR» v kontekste bezopasnosti ATR [The geopolitical triangle “USA–Australia–China” in the context of the security of the Asia-Pacific region]. In: *International Student Scientific Journal*. No. 6, p. 103–114. (In Russ.).

12. Drozdova, L., Pale, E. (2014). Strany ASEAN: kurs na ob’edinenie ekonomicheskikh interesov. Integracionnaya politika vostochnoaziatskikh gosudarstv posle global'nogo finansovogo krizisa 2008–2009 gg. [ASEAN countries: a course towards the unification of economic interests. Integration policy of the East Asian states after the global financial crisis of 2008–2009.]. In: *Asia and Africa today*. No. 3, p. 33–37. (In Russ.).

13. Veremeev, N. (2016). Torgovo-ekonomicheskaya konkurenciya na Tihom okeane [Trade and economic competition in the Pacific]. In: *International processes*. No. 2, p. 95–111. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.09.2022

Received by editorial board 05.09.2022

Автор: Ярмошук Карина Игоревна – аспирант кафедры международных отношений БГУ; e-mail: karinayarmoshuk@gmail.com.

About author: Yarmoshuk Karina Igorevna – post-graduate student of the Department of International Relations, BSU; e-mail: karinayarmoshuk@gmail.com.